

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

Аннотация. В статье рассматриваются специфические особенности фундаментальных исторических процессов в России (колонизация, модернизация, глобализация). В числе подобных особенностей автор выделяет гипертрофию исторического субъекта, хронический недостаток ресурсов, климатическую детерминацию, нарушение стадильности, дискретность упомянутых процессов, их фрагментарность, несистемный характер, обратимость результатов, непомерные издержки, усиление гетерогенности пространства. Автор также анализирует проблематику социокультурной детерминации фундаментальных социальных трансформаций. В частности, речь идет о феноменах «русской аскезы» и сопаса. Значительное внимание уделяется также тому воздействию, которое оказали на протекание фундаментальных исторических процессов в России российские псевдоморфозы и псевдоморфный тип развития как таковой. Наконец, в статье анализируется секуляризационная составляющая глобальных исторических процессов, а также то, какие изменения принесло гипотетическое вступление России в фазу постсекулярного развития, десекуляризации. В заключение автор указывает на несостоятельность прямолинейного исторического оптимизма – история содержит значительно больше парадоксов и двусмысленностей, чем это представляется сторонникам оптимистического эволюционизма. Россия, полагает автор, не движется неуклонно и неминуемо по пути прогресса, а скорее развивается по синусоиде, которая иногда сворачивается в некое подобие спирали.

Ключевые слова: колонизация, модернизация, глобализация, псевдоморфоза, «русская аскеза», секуляризация, десекуляризация, религия, церковь, прогресс.

В недавней публикации мы рассмотрели основные характеристики трех наиболее значимых, определяющих и переопределяющих буквально все стороны российской жизни, как в ретро-, так и в перспективе, процесса: колонизации, модернизации, глобализации¹.

Теперь рассмотрим упомянутое проблемное поле под несколько иным углом зрения. И прежде всего поговорим о специфике фундаментальных исторических процессов в России. Что отличает российскую колонизацию или модернизацию от аналогичных процессов, происходивших и происходящих в других странах и регионах? Какова «конструкция» этих процессов, почему в России чаще, чем в других странах, попытки осуществить амбициозные и, вероятно, исторически необходимые проекты приводила к диаметрально противоположным результатам?

¹ Королев С.А. Фундаментальные исторические процессы в России: ретро- и перспектива // Философия и культура. 2013. № 7. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.8790.

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Фундаментальные исторические процессы в российском пространстве власти: характер, структура, специфика», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-03-00382а)

1. Механизмы и структура

Фундаментальные исторические процессы — это определенного рода машинерия, включающая совокупность предпосылок, набор акторов, главных и второстепенных, некую совокупность действий, стандартных или нетривиальных, а также спектр последствий. Некий исторический механизм запускается — и приводит к определенному эффекту, тем или иным результатам. Или не приводит к ожидаемым результатам. Или приводит к результатам противоположным ожидаемым. Или приводит одновременно к последствиям желательным, ожидаемым, гипотетически позитивным и одновременно — к эффектам неожиданным, очевидно негативным.

(1) Гипертрофия исторического субъекта

Об этом мы уже говорили в нашей предыдущей статье. Именно власть в России чаще всего выступала в качестве исторического субъекта, инициатора и мотора фундаментальных трансформаций. Роль исторического субъекта в России — чрезвычайно значима, ибо все, что здесь происходит, происходит в авторитарном, жестко структурированном пространстве власти. Более того, это пространство после большевистской революции трансформируется в лагерное, террористическое пространство².

Следует иметь в виду, что пресловутый исторический субъект может воздействовать на течение фундаментальных процессов двояким образом, не только иницируя и стимулируя их. Равным образом он может тормозить их, делая ставку на сохранение статус-кво или даже стремиться к регрессу, по тем или иным причинам понимаемому им как благо. Все эти «подмораживания» и «стабилизации» являются ни чем иным, как осознанным курсом на социальный регресс. Таким образом действовали, например, Николай I, Александр III, Брежнев в так называемый «период застоя»; складывается впечатление, что набор действий, предпринятых в течение третьего срока президента Путина, вписывается именно в такого рода стратегию. Подобная философия истории, материализованная в политической стратегии, во многих случаях обрекает социум на стагнацию. А затем,

рано или поздно, но практически неизбежно, поскольку проблемы и противоречия имеют свойство накапливаться и усугубляться, стратегия «стабилизации» и поддержания статус-кво заканчивается острым и разрушительным кризисом.

При этом у российской власти, у этого главного, в определенные моменты отечественной истории — единственного исторического субъекта, как правило, не было достаточных материальных ресурсов для осуществления задач, которые ею ставились, для реализации своих амбиций. Или, скажем так, не было социально и гуманитарно приемлемых, укладывающихся в определенные моральные рамки рычагов. Легальных, экономических, ненасильственных, не-гулаговых. А было упование на универсальность принуждения как фактора фундаментальных трансформаций и всесильность внеэкономических инструментов, гарантирующих неограниченные объемы подневольного, принудительного труда.

Именно подобная гипертрофия властного субъекта обуславливает симбиотичность фундаментальных исторических процессов в России, сочетание, сосуществование, переплетение в них двух противоположных начал. Российская колонизация создает предпосылки будущей деколонизации³. Российская модернизация порождает архаику⁴. Глобализация при ближайшем рассмотрении оказывается асинхронным и внутренне противоречивым, разновекторным процессом. В свое время мы уже рассматривали ситуацию, когда в разные, и даже в противоположные, стороны направлены векторы экономической и социокультурной модернизации (кейс Саудовской Аравии)⁵, а также ситуацию конфликта подспудной социокультурной вестернизации и доминирующего «социалистического» тренда развития политической и экономической сферы (СССР «периода застоя», формирование потребительского сознания вне основных параметров «потребительского общества», в лоне общества дефицита)⁶. Наконец, как показы-

³ Королев С.А. Двусмысленность истории: фундаментальные процессы в российском пространстве власти // Философия и культура. 2012. № 9.

⁴ Королев С.А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Часть I // Философия и культура. 2009. № 1.

⁵ См.: Меняющаяся социальность: контуры будущего / Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: Институт философии РАН, 2012. С. 49–66.

⁶ Королев С.А. От «Апостола» до «Архипелага»: социокультурные трансформации в России // Философия и культура. 2010. № 1.

² Бессознательное власти. Беседа с В.А. Подорогой // Бюрократия и общество / отв. ред. С.А. Королев. М.: Философское общество СССР, 1991.

вают многочисленные современные исследования, глобализация усиливает локализм и стимулирует изоляционистские тенденции, в России, возможно, более чем где-либо.

Сегодня, в начале XXI в., симбиотичность и противоречивость исторических трансформаций нашла свое выражение в процессе глобализации. Механизм этого процесса таков, что он одновременно глобализует и локализует. Английский социолог Р. Робертсон использовал для характеристики такого рода процесса неологизм «глокализация», который утвердился в научном лексиконе.

Нам представляется тем не менее, что понимание глобализации как «глокализации», как глобализации экономики и локализации культур не исчерпывает всех многосложных механизмов этого процесса. Разумеется, происходит и социокультурная глобализация, и автаркизация каких-то сегментов пространства. Но умирающий Детройт — это, конечно, не локализация культур, а, скорее, деградация некоего экономического или социально-экономического субъекта. Культурной локализацией это было бы, если бы Tamla Motown из мирового феномена вдруг каким-то образом превратился в локальную этнически окрашенную реакцию на экспансию массовой культуры.

(2) Хронический недостаток ресурсов

Примечательно, что некоторые ученые, в частности, Зигмунт Бауман характеризуют современную мировую ситуацию как своего рода *Interregnum* (междувластие). Постулируется, что сейчас имеет место увеличение разрыва между политикой и властью, между средствами, доступными для осуществления изменений, и масштабами проблем, которые нуждаются в решении⁷. Между тем, масштаб проблем, который превышает возможности их решения, причем в ситуации, когда проблемы эти очевидным образом назрели и перезрели, — это драматическая ситуация, в которой находится Россия по крайней мере с конца XVII в.

Петровская модернизация столкнулась прежде всего с отсутствием свободного труда — и власть не нашла ничего лучшего, как использовать в качестве основного ресурса масштабных модернизационных трансформаций крепостной труд. «Великие реформы» 60-х годов XIX в. по определению не могли решить ключевой для России аграрный во-

прос, ибо масштабное и последовательно осуществленное изъятие земли у помещиков подорвало бы сами основы режима. При этом у власти не хватило решимости затронуть не только интересы помещичьего класса, но также и архаичский и очевидным образом сдерживающий развитие страны институт общины. В послеоктябрьской России были ресурсы и возможности для успешного экономического развития, мощный фундамент, созданный «до 1913 года», но не было ресурсов для форсированной индустриализации, «сверхиндустриализации», по терминологии тех лет, помимо ограбления крестьянства и массового внедрения принудительного и полупринудительного труда. Горбачев не мог пойти на радикальное изменение политической системы, ибо сам был частью этой системы, а она — его реальной опорой. Перестройка была прежде всего великой социальной, а не технологической трансформацией, осуществлявшейся в стране, где не было устойчивой традиции существования в иного рода социуме, нежели тот, что сформировался к исходу седьмого советского десятилетия, и навыков существования в иной, не командно-административной, экономике.

Не хватает ресурсов, как материальных, так и людских, и сегодня, в эпоху глобализирующейся экономики, и в этом есть нечто общее с петровской модернизацией. Характерная ситуация: «Вчера я была в Калужской области, — делится впечатлениями известный экономист Наталья Волчкова, — там строится металлургический завод на 1600 рабочих мест. Они уже готовы к запуску, а у них пока 200 человек специалистов. Они их не могут найти в области и везут из других городов. Не топ-менеджеров везут, нужны конкретные рабочие специальности, те же электромонтеры»⁸. Как будет разрешено это противоречие, перетоком рабочих с менее современных российских предприятий, рекрутированием рабочих-мигрантов, уменьшением масштабов производства или наймом рабочих ненадлежащий квалификации с неизбежным снижением качества производимой продукции, одному богу известно.

Иными словами, отсутствие необходимых ресурсов, плюс специфическая ментальность российской власти приводят к тому, что в российском пространстве едва ли не любой фундаментальный, базовый процесс запускает некий

⁷ Междувластие. Зигмунт Бауман беседует с Винченцо Делла Сала // Россия в глобальной политике. 2012. № 6.

⁸ Профессор Наталья Волчкова: «После вступления в ВТО проблемы моногородов будут возникать постепенно» // <http://www.business-gazeta.ru/article/58681/>

контрпроцесс, представляющий противоположность тому, первому. Продвижение вперед по отдельным направлениям предполагает или по крайней мере делает потенциально возможной ретираду по другим.

Равным образом у власти часто отсутствовали ресурсы и возможности для закрепления результатов, достигнутых как ее собственными усилиями, так и самодеятельностью активных, порой пассивных элементов общества.

Между тем отложение задач до тех гипотетических времен, когда ресурсы и предпосылки появятся, также представлялось невозможным, потому что ставкой в большой исторической игре было уже не только и не столько преодоление отсталости страны, сколько пребывание у власти того или иного политического режима, существование тех или иных его базовых институтов и самосохранение олицетворяющих его политических фигурантов. Во всяком случае, власть представляла себе дело таким образом, что осуществление или провал тех или иных масштабных проектов, — вопрос ее жизни и смерти, и готова была к осуществлению поставленных ею амбициозных задач любой ценой и любыми средствами. При этом определение «любой» здесь — не метафора и не гипербола, а точное, буквальное отражение реальности. Не было средств, использование которых власть сочла бы неподходящим, недостойным и аморальным, если речь шла о реализации ее глобальных целей и ее собственном выживании.

(3) Климатическая детерминация

О роли климатического (или географического, ибо климат определяется географией) фактора в российской истории и во всех абсолютно сегментах российской жизни в последние два десятилетия, когда была преодолено господство марксистского экономического детерминизма и очень плоско понимаемого формационного подхода, было написано немало. Есть значительное количество весьма серьезных исследований. Если сформулировать их суть, то речь идет о том, что специфической (при этом негативной) особенностью России является чрезвычайно короткий рабочий сезон сельскохозяйственного производства. По подсчетам Л.В. Милова, с учетом запрета на труд по воскресеньям он длился примерно 130 дней в год, из них около 30 дней уходило на сенокос. В итоге одנותягловый хозяин с семьей из четырех человек имел для всех видов работ на пашне лишь около 100 суток. В расчете на десятину (около 1 га) обычного крестьянского

надела это составляло 22–23 рабочих дня (а если он выполнял полевою барщину, то, например, в XVIII в. — почти вдвое меньше)⁹.

Эти же параметры лимитировали развитие скотоводства (и, следовательно, возможность интенсифицировать земледелие посредством внесения большего количества удобрений).

Климатический и географический факторы оказали сильное влияние на ход и характер фундаментальных исторических процессов, прежде всего колонизации. Как показал А.Д. Агеев, в силу природно-климатических условий «русский фронт продвигался узкой длинной колонной, всегда зависевшей от обоза, сдавленной по флангам границей другого государства и естественными препятствиями. На юге была государственная граница, а на север не пускали холод и вечная мерзлота»¹⁰.

Ученый, осуществивший чрезвычайно ценное и значимое в научном отношении сравнительное исследование российской и американской колонизаций, подчеркивает, что в Азии разделительным рубежом между двумя природно-климатическими зонами, резко отличающимися одна от другой, является Великая Китайская стена. В Северной Азии, подчеркивал А.Д. Агеев, нет территорий, подобных долине Миссисипи, т.е. расположенного в умеренной зоне огромного массива плодородных земель, прилегающих к текущей на юг могучей водной артерии с впадающими в нее многочисленными судходными притоками. И в этом главное отличие Сибири от американского Запада. Ибо сибирские реки текут к Ледовитому океану, и другого выхода к морю нет (мысль близкая еще Ф.М. Достоевскому). Напротив, к югу от сибирских просторов, на китайской территории, находятся сравнимые с долиной Миссисипи по природно-климатическим условиям долины рек Хуанхэ и Янцзы. Как полагает Агеев, если уж говорить о сходстве колонизации Северной Америки с какими-то другими колонизационными процессами, то сравнивать следует скорее с колонизацией Китая, нежели с освоением и присоединением Сибири, как делают некоторые советские и российские исследователи¹¹. Кстати, замечает Агеев, этой точки зрения придерживался и французский историк Ф. Бродель, который, имея

⁹ Милов Л.В. Особенности исторического процесса в России // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 9. С. 771.

¹⁰ Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005.

¹¹ Там же.

в виду колонизацию, сравнивал Китай именно с Соединенными Штатами¹².

Равным образом, природно-климатические особенности России так или иначе влияли и на модернизационные процессы. Ибо чрезвычайно короткий сезон земледельческого производства вел к тому, что практически на всем протяжении своей истории земледельческая Россия была социумом с минимальным совокупным прибавочным продуктом¹³. А поскольку недостаточность совокупного прибавочного продукта — это константа русской истории, климатический фактор не мог не отразиться и на потенциале модернизации.

Конечно, индустриализация неизбежно снижает удельный вес сельского хозяйства в ВВП страны и даже отодвигает эту отрасль хозяйства на второй план, но лишь до известной степени. Кроме того, климат влияет на себестоимость едва ли не любой производимой в стране продукции (затраты на отопление производственных помещений и жилищ, проблемы с перевозками в зимний период и т. д., и т. п.).

(4) Нарушение стадильности

Известный американский социолог и политолог Сэмюэл Хантингтон, говоря о модернизации, характеризует ее как *phased process*, т.е. процесс, разделяющийся на фазы, стадии, этапы¹⁴. Презумпция Хантингтона заключается в том, что глобальным историческим процессам (исследователь говорит конкретно о модернизации) присуща своеобразная *ступенчатость* — все общества, модернизируясь, должны пройти одни и те же стадии. В Европе мы подобную стадильность, как правило, наблюдаем. Можно отметить, например, что модернизации здесь предшествовали весьма решительные сдвиги в аграрном секторе. Так, Е.Т. Гайдар констатирует: «В странах, где индустриализация началась на рубеже XVIII–XIX вв., ускорению промышленного роста предшествовал процесс, получивший название “аграрная революция”»¹⁵. Речь идет о том, что при сохранении

традиционной для Европы того времени техники за счет распространения знаний об агрокультуре, улучшения качества обработки почвы, севооборота удается беспрецедентно быстро, по нормам предшествующих эпох, повысить эффективность сельскохозяйственного производства. И хотя темпы роста производства в сельском хозяйстве по-прежнему остаются ниже, чем в промышленности, они все-таки достаточно высокие и устойчивые. И именно в связи с этими изменениями появляются возможности расходовать создаваемые в аграрном секторе ресурсы для создания промышленности и снабжения растущего городского населения продовольствием¹⁶.

В России, как уже было сказано, имеет место гипертрофия властного субъекта и властных технологий; последние доминируют над механизмами контроля и подавляют их. Здесь именно этот властный субъект является основным инициатором и актором едва ли не всех фундаментальных, определяющих настоящее и будущее социума трансформаций. Поэтому в российском пространстве власти естественная стадильность фундаментальных исторических процессов претерпевает драматические изменения. В частности, здесь модернизации не предшествовала аграрная революция. Механизм изменений здесь иной: модернизационный рывок — и затем длительное возвращение к норме, амортизация издержек процесса, создание постфактум того, что должно было и могло стать предпосылками прорыва, но в реальности проявилось в истории в качестве его отдаленных последствий. Иными словами, стремительное движение, колонизационный, модернизационный, какой-либо иной трансформационный импульс — и затем откат, потому что нет возможности удержать достигнутое.

(5) Дискретность процессов

История Руси/России — это цепь начинающихся, прерывающихся и снова возобновляемых модернизаций, нарастающих, затухающих и вновь оживающих волн колонизации, инициируемых властью и ею же и abortируемых попыток вписаться в глобальный мировой контекст. Поскольку поставленные задачи зачастую превосходят имеющиеся ресурсы, «силы нации», то когда эти силы истощаются, процесс затухает, — чтобы возобновиться через какой-то промежуток времени, от нескольких лет до нескольких десятилетий. Так

¹² См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Весь мир, 1986. Т. 1. С. 60.

¹³ См.: Милов Л.В. Особенности исторического процесса в России // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 9. С. 775.

¹⁴ Huntington S. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Politics. Vol. 3. Issue 3 (Apr., 1971). P. 289.

¹⁵ Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. С. 148.

¹⁶ См.: там же.

же прерывают нормальное течение фундаментальных исторических процессов исторические катаклизмы: войны, нашествия агрессивных соседей, бунты, революции.

В наибольшей степени дискретность фундаментальных исторических процессов в России проявляется в том, что в рамках некоего весьма противоречивого, сложносоставного, мультивекторного процесса продвижение по различным векторам оказывается несинхронным. Приостановка движения по одному из векторов процесса отнюдь не предполагает торможения по другим направлениям. Сегодня, в 2010-х, мы, например, видим, как экономическая глобализация, интеграция России в европейские и мировые экономические структуры продолжается и проходит весьма интенсивно, в то время как по сравнению с 90-и и началом «нулевых» интеграция в европейское политическое, правовое, культурное, социальное пространство явно и сознательно тормозится.

(6) Фрагментарность, несистемный характер

Исторический субъект, стимулировавший и направлявший фундаментальные исторические процессы в России, никогда не был озабочен их комплексностью и сбалансированностью. Стратегия чаще всего заключалась в том, чтобы резко продвинуться по одному направлению, которое казалось главным и определяющим. В России это традиционно была военная составляющая процесса — во всяком случае, если говорить о модернизации. Петровская модернизация была военно ориентированной, и сталинская модернизация была подготовкой к большой войне и последующей военно-политической экспансии, и в послевоенный период усилия были сконцентрированы на военных или имеющих военное значение проектах: атомная, затем водородная бомба, космическая программа, тесно связанная с разработкой средств доставки ядерного оружия. Первым масштабным невоенным (или, точнее, не обусловленным потребностями военного характера) проектом в СССР стало массовое жилищное строительство, начатое при Хрущеве, лишь во второй половине 1950-х.

Если говорить о колонизации, то в советский период она также была обусловлена военно-стратегическими соображениями (север, северо-восток, Дальний Восток) и потребностями создания геополитических гарантий и экономического потенциала для реализации советских военных программ,

идет ли речь о военных базах типа Североморска или Вилючинска или о промышленных гигантах, выросших в XX в. в различных точках обширного пространства, которое колонизировалось начиная с XVI столетия, с момента завоевания Казанского и Астраханского царств.

(7) Обратимость

В свое время С. Хантингтон, характеризуя процесс модернизации, отмечал его *необратимость*, — начавшись, он не может не завершиться успехом¹⁷. Нам представляется, что это — не только оценка исторических перспектив модернизации, но и своего рода материализация определенного типа мышления, своего рода оптимистический исторический эволюционизм. Если быть последовательным, то, оставаясь в рамках этого типа восприятия мира и социальной реальности, приходится постулировать и то, что не может не увенчаться успехом и колонизация, и глобализация. Иными словами, что прогресс — гарантирован.

Между тем презумпция неизбежности прогресса и успешности фундаментальных исторических преобразований весьма спорна и не вполне подтверждается историческим материалом. Ибо, во-первых, существуют мощные контртенденции, представляющие угрозу для любого «прогрессивного» тренда и порой разрушающие его. Во-вторых, мир не един, что самое главное — он не един в цивилизационном отношении. В частности, утверждение ценностей, принципов и механизмов, на которых зиждутся фундаментальные исторические процессы в западной, христианской цивилизации, весьма проблематично в ареале, где доминирует поднимающийся, пассионарный ислам. И даже на собственной территории Запад ощущает конкуренцию со стороны исламской цивилизации. В-третьих, существует феномен регресса, отката, попятного движения.

При этом следует, вероятно, различать два феномена — (1) внутренне противоречивый симбиотический процесс, будь то процесс, который мы называем модернизация/демомодернизация¹⁸, или то, что вслед за английским социологом Р. Робертсоном стали называть «глокализацией»¹⁹, и (2) обращение исторического времени вспять, от-

¹⁷ См.: Huntington S. Op. cit. P. 289.

¹⁸ Королев С.А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Ч. I // Философия и культура. 2009. № 1.

¹⁹ Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992.

кат назад уже, казалось бы, успешно завершено процесса (по модели «колонизация — деколонизация»), деволуцию.

Причины этой обратимости, этой предрасположенности к деволуции разные, но следует выделить одну характерную конструкцию, один почти универсальный механизм: структурные дефекты процесса, которые проявляются и высвечиваются социальными и политическими катаклизмами. Так, обратимость колонизации, прежде всего колонизации русского Севера и Дальнего Востока обусловлена в первую очередь тем, что это была колонизация властная, а не гражданская, и при дезорганизации системы или даже при простом изменении приоритетов власти легко набирает силу обратный процесс.

(8) Непомерные издержки

Цена глобальных российских трансформаций — чрезвычайно велика, как велика цена любого неорганичного, искусственного, навязанного обществу процесса. Цена модернизаций здесь — самая высокая. Цена колонизации — относительно меньшая. Цена глобализации как естественноисторического, не инсценированного властью процесса по российским меркам относительно невысока.

Формы, в которых оплачивается эта цена, универсальные и традиционные для мировой истории: человеческие жизни, социальный регресс, ужесточение эксплуатации, утрата свободы или элементов свободы и т.д.

Хантингтон говорит о *травмах модернизации* и о том, что несмотря на издержки, реальные плоды модернизации всегда значительнее, всегда эти издержки перекрывают²⁰. Едва ли это так — отнюдь не любая цена оправдывает даже исторически успешный проект. Некоторые западные исследователи пытаются осмыслить проблему цены масштабных трансформаций, прежде всего «платы» за модернизацию. Упомянем здесь, в частности, выдвинутую еще в середине 70-х годов прошлого века П. Бергером концепцию «бездомного сознания», которое возникает вследствие того, что религия, своеобразное «священное покрывало», образующее ткань нормативной структуры общества и придающее смысл человеческому существованию, разрушается, лишая человека его естественного убежища²¹. Импульсом для по-

добной теоретизации, несомненно, послужили негативные аспекты модернизации стран «третьего мира», но автор обнаружил аналогичные процессы и в современном западном обществе. Заметим, что и Ю. Хабермас уже значительно позже, в связи с трагическими событиями 11 сентября 2001 г., писал о том, что этот террористический акт стал отражением факта несовпадения во времени состояний культуры и общества на родине террористов, что это несовпадение стало результатом быстрой и радикальной модернизации, лишившей этих людей своих корней²².

Отнюдь не любые достижения дают право на получение индульгенции с точки зрения ущемления прав и свобод человека и тем более самого главного, основополагающего его права — права на жизнь. Знаменитое «мы за цену не постоим» было слоганом множества политических режимов на протяжении многих столетий, отнюдь не только советского. Хотя, конечно, историю пишут победители, и они считают возможным определять, каково соотношение цены и масштабов того или иного исторического действия.

Наконец, следует сказать, что диктаторская и/или авторитарная власть не мыслит в терминах издержек, прежде всего человеческих потерь, и не воспринимает жизнь отдельного человека как ценность. То есть сама проблема издержек — это материализация ментальности, которая лишь в редких, если не в исключительных случаях может стать ментальностью власти.

(9) Усиление гетерогенности пространства

Модернизация, подчеркивает Хантингтон, — *гомогенизирующий* процесс: традиционные общества — весьма различны, современные же общества в основных своих структурах и проявлениях одинаковы²³. Эта максима сформулирована, на наш взгляд, слишком категорично, и пример ряда стран, той же Японии, не говоря уже о Китае, не подтверждает ее. Модернизированные общества тоже достаточно гетерогенны.

В России модернизация, колонизация, глобализация в том виде, в каком они осуществлялись, вели не к гомогенизации социума, а к углублению раскола, существующего в российском обществе, по крайней мере с последней трети XVII в.

²⁰ Huntington S. Op. cit. P. 290.

²¹ Berger P.L., Berger B., Kellner H. The Homeless Mind. Harmondsworth: Penguin books, 1974.

²² Хабермас Ю. Вера и знание // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002.

²³ Huntington S. Op. cit. P. 289.

Ибо традиционные общества различны, если мы мыслим в масштабах всего мира. А в исторической раме одной страны традиционное общество достаточно гомогенно и монолитно. Универсализация, модернизация стимулируют раскол социума на два параллельных мира и далее усугубляют его²⁴. Поэтому фундаментальные исторические процессы в России имеют два измерения: создание поля гомогенности («русская аскеза», затем одинаковые потребительские ценности, утилитаристское сознание) и стимулирование гетерогенности (разные принципы жизнеустройства, эвентуальный конфликт традиционализма и прогрессизма, несовместимость почвенничества и либеральных интенций, противостояние «народа» и «элиты»).

2. Социокультурная детерминация

Казалось бы, говорить о социокультурной детерминации фундаментальных социальных трансформаций — значит повторять общие места. Об этом многократно писалось по крайней мере с момента выхода знаменитой работы Дэниела Белла «Культурные противоречия капитализма» в середине 70-х годов прошлого века²⁵. И поныне эта проблематика остается чрезвычайно популярной, ибо односторонние технократические концепции общественного развития очевидным образом доказали свою несостоятельность. Кстати, об этом весьма аргументировано пишет С. Хантингтон в предисловии к коллективной работе «Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу», ставшей результатом большого исследовательского проекта с участием ученых многих стран. Он обращает внимание на то, что когда-то, в 60-е годы XX в., Южная Корея и Гана имели сходные экономические показатели, если говорить о распределении валового национального продукта на душу населения, отраслевой структуре и приоритетной роли сырьевого экспорта в экономике. Через три десятка лет Южная Корея превратилась в индустриального гиганта, а в Гане же, где доход на душу населения составлял лишь одну пятнадцатую южнокорейского, не наблюдалось ничего похожего. В подобном

переопределении статуса двух стран сыграли свою роль многие факторы, но прежде всего дело объяснялось культурными различиями²⁶.

Хантингтон подчеркивает, что культура, понимаемая как совокупность ценностей, установок, верований, ориентаций и убеждений, превалирующих среди членов общества, влияет на предрасположенность того или иного социума к прогрессу в экономической и политической областях, представляя таким образом перед нами как независимая переменная общественного развития²⁷.

Все это верно и для России. Но у России и здесь есть своя специфика, свои своеобразные механизмы воздействия культуры на экономику и политику вообще и на фундаментальные исторические процессы, в частности.

(1) Особенности «русского сознания»

В свое время мы уже рассматривали так называемую «русскую аскезу» как социокультурный феномен, как определенную аберрацию общественного сознания²⁸. Русская не религиозная, а бытовая или, что, возможно, точнее, *бытийная* аскеза — это ориентация не на богатство, не на процветание, не на максимально достижимое благополучие, а на необходимый минимум; это *умение довольствоваться*. Но, хотя это и не религиозный, а лежащий за рамками чисто религиозного сознания феномен, трудно не видеть влияния на него религиозных контекстов, учитывая ту роль, которую играло в России православие по крайней мере до большевистской революции.

Нередко высказывается мнение, что экстенсивный характер развития Руси/России, недостаток у русских инициативы и энергии, избыточная и порой автоматическая, рефлекторная покорность авторитарной, а на некоторых витках русской истории и откровенно деспотической власти детерминированы формой христианства, усвоенной некогда еще в Киевской Руси. В категоричной форме подобное утверждение едва ли может быть принято. Но тип христианства, особенности догматики, несомненно, создают некоторые духов-

²⁴ Подробнее см.: Королев С.А. От «Апостола» до «Архипелага»: социокультурные трансформации в России // Философия и культура. 2010. № 1.

²⁵ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y.: Basic Books, 1976.

²⁶ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 9.

²⁷ Там же. С. 11-12.

²⁸ См., в частности, написанную автором главу «“Русская аскеза”. Генезис и эволюция феномена»: Человек в экономике и других социальных средах / Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: Институт философии РАН, 2008. С. 69-95.

ные, ментальные, психологические предпосылки, которые при определенной констелляции обстоятельств могут сформировать матрицы сознания, не способствующие (скажем мягко) любого рода социальной активности индивида и стремлению этого индивида братья за выполнение амбициозных и нетрадиционных, лежащих за рамками рутины, задач.

Вот весьма выразительное и адекватное описание «русского сознания», исходящее из православной среды; автора едва ли можно заподозрить в стремлении как-то принизить носителей этого сознания: «Православная культура России характеризовалась ярким проявлением стремления к святости, т.е. способностью русского человека жить на земле с глазами, устремленными к небу. В самую сущность русскости входит мечта о духовном совершенстве и помысел о спасении души. Это наложило печать на все проявления жизни народа — на политику, экономику, науку, искусство. Печаль по красоте жизни — преобладающее переживание русских людей. Нынче это кажется “непрактичным” и вызывает нарекания со стороны прагматиков. Но западная культура протестантизма, поставив во главу угла прагматизм, изъяла многие из тех понятий, что составляют богатство души и даже смысл жизни человека, потому можно сказать, что современная культура Запада — скорее антикультура. Не уравновешенный духовным началом прагматизм оказался в итоге... непрактичным, ибо тягой к обогащению и техническому прогрессу поставил человечество на грань выживания»²⁹.

Иными словами, антипрагматизм, неизбежное стремление к красоте и тяга к духовному совершенству, наложившая отпечаток на политику и экономику, с одной стороны, — и прагматизм, бездуховность и суррогаты культуры, с другой.

Не просто понять, где и как в весьма жесткой, а часто и безмерно жестокой российской/русской политике отразились помыслы о спасении души и тяга к духовному совершенству. Истребление родственников — братьев, племянников, дядьев — ради занятия княжеских столов в домонгольский (но уже христианский) период, убийство своих сыновей и наследников Иваном Грозным и Петром I, темная и неблагоприятная роль Александра I в убийстве отца и Екатерины II в умерщвлении мужа. Еще двух царей, Александра II и Николая II,

отправили в мир иной благодарные подданные. И это только один срез жутковатой российской политической реальности, все прочее было никак не более духоподъемно и имеет не более отношения к спасению души. А вот с экономикой понятно: русская аскеза, ограничивающая стремления и консервирующая инертность.

На рубеже XX-XXI вв., после многих столетий русской истории, когда аскеза была своеобразной проекцией религиозного сознания, после семидесятилетнего советского периода, когда внедрялась принудительная коллективистская аскеза и подавлялись любые ростки индивидуализма и частной инициативы, Россия вошла в период, когда сама конкурентная, рыночная реальность, расширившиеся возможности потребления стали фактором, стимулирующим эрозию этой аскезы. Но эта эрозия происходит в парадоксальном виде: отказ от комфорта уходит, количество личных автомобилей, разного рода гаджетов стремительно растет, а инерция и пассивность зачастую остаются. Последние опросы показывают, что неприятие частной инициативы любого рода даже укрепляется. Сегодня лишь два процента молодых людей хотят стать предпринимателями³⁰, в то время как пять–десять–пятнадцать лет назад их было значительно больше.

Помимо «русской аскезы», специфические черты национального менталитета, своеобразное волнообразное чередование протеста и покорности, стремления к свободе, к «воле» и тяги к гарантированному, рутинному существованию, пусть и на грани выживания, воплотились в таком явлении, как *сопас*³¹. Зависимый человек, крепостной крестьянин, холоп, убежавший от хозяина, продолжает помнить, что у него есть этот хозяин, к которому всегда можно вернуться и перед которым можно повиниться, совершенно в духе «Домостроя». Беглый человек постоянно об этом помнит — а потом действительно возвращается и кается.

Это происходит еще в те времена, когда отношения помещика и его зависимого человека носят гражданско-правовой характер, и за ними не стоит государство с его системой сыска и наказания. Ужесточение технологий власти, имевшее место в

²⁹ Гончаров, Иоанн, протоиерей. Почему мы отстаем от «прогресса»? // <http://pravpiter.ru/pspb/n137/ta016.htm>

³⁰ Предприниматели становятся раритетом // Коммерсантъ. 2013. 22 апр.

³¹ Королев С.А. Сопас как феномен власти // Человек между Царством и Империей. Сборник материалов международной конференции. М., 2003. С. 27-46.

XVII в., уничтожило сопас, но едва ли поколебало упомянутую симбиотическую протестно-патерналистскую парадигму мышления.

Разумеется, не следует тезис о воздействии религиозного фактора на формирование типологических для России форм сознания и поведения понимать примитивно — влияние духовно-религиозных факторов на социальную жизнь вообще и на течение фундаментальных исторических процессов порой носит прямой, непосредственный характер, но чаще многократно опосредовано. И чем дольше длится русская история, чем дальше заходит процесс секуляризации, чем менее может церковь *диктовать* обществу, тем более оно, это влияние, опосредовано. Кроме того, следует принимать во внимание псевдоморфный характер развития России и исходить из того, что православие — это оболочка, в которой веками выживало и развивалось множество самых разнородных компонентов дохристианской, автохтонной культуры.

(2) Псевдоморфная оболочка

Нам уже доводилось подчеркивать то обстоятельство, что России как государству и как специфическому историческому субъекту свойствен особый, псевдоморфный тип развития³². Выше отмечалось, что доминирующую роль в ходе фундаментальных российских трансформаций играла власть — исторический субъект, который, в силу известных обстоятельств российской истории, псевдоморфен и, в частности, моногломорфен³³. И тип колонизации, и характер модернизации, импульсы и способы ее осуществления, и формы адаптации к процессу глобализации в значительной степени предопределены тем, каков властный субъект, эти процессы контролирующей.

Итак, специфика социокультурного пространства, в котором разворачивается российская история, связана также с тем, что оно, это пространство, псевдоморфно. Определяющей здесь стала самая первая российская псевдоморфоза, центральным моментом которой была христианизация Руси. Начиная с X в. Русь/Россия развивается как гетерогенное, противоречивое в социокультурном смысле образование, где из-

начальное, автохтонное языческое содержание, как славянское, так и привнесенное позже норманнское, выживает и развивается в христианизированной, универсалистской оболочке. Равным образом можно говорить о существовании и выживании (или невыживании) внутри псевдоморфной православной матрицы иных христианских конфессий. И когда старожилы города Калининграда, в прошлом Кенигсберга, вспоминают, что в конце 80-х чуть ли не все заброшенные лютеранские церкви города стали переделывать в православные храмы, следует понимать, что это не только проявление политического конформизма, реакция на некие новые веяния на верху советского политического Олимпа, но яркая, зримая материализация имеющей тысячелетнюю историю псевдоморфозы.

Здесь очень важно правильно расставить акценты. Некоторые наблюдатели связывают переформатирование культовых зданий в калининградском анклав с тысячелетием крещения Руси и с определенным изменением отношения власти к Русской православной церкви. Это, разумеется, серьезный конкретный повод; не случайно, например, что в кирхе Юдиттен, переданной Русской православной церкви в начале 80-х, первая служба прошла в 1988 г., в дни празднования тысячелетия крещения Руси. Нам же представляется, что этот процесс следует соотнести прежде всего с глобальным трендом к объединению Европы, символом которого в конце 80-х стало падение Берлинской стены и «бархатные революции» в странах «советского блока». В этом контексте превращение лютеранских кирх в православные соборы/церкви можно интерпретировать как своеобразную реакцию на новый виток процесса глобализации и усиление социокультурного давления с запада. Реакцию, которая результировалась в возрождении неких достаточно архаичных псевдоморфных конструкций. Мы бы назвали это *локальной псевдоморфозой*.

В то же время процесс, который мы зафиксировали в Калининграде, европейском анклав России, в ином масштабе, но примерно с того же времени, с конца 80-х, осуществлялся как процесс глобальный, происходящий в масштабах всей России, с той только разницей, что речь шла не о переформатировании лютеранских церквей, а о восстановлении и реанимации разрушенных и полуразрушенных православных храмов. И это уже отнюдь не локальная, а вполне глобальная псевдоморфоза.

³² Королев С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6.

³³ См.: Королев С.А. Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М.: Институт философии РАН, 1997. С. 52-59.

Или когда мы узнаем о том, что некий подмосковный предприниматель, почти олигарх, отменил на предприятиях своего агрохолдинга празднование 23 февраля и 8 марта, что все женщины, сделавшие аборт, подлежат увольнению, что все сотрудники его предприятий в рабочее и нерабочее время должны пройти курс «Основ православной культуры», а сотрудники, находящиеся в браке, но не венчанные, обязаны обвенчаться, мы также должны констатировать, что это некое, весьма своеобразное, проявление *локальной псевдоморфозы*, хотя и в крайне одиозных, уродливых формах. Речь здесь, несомненно, должна идти уже о развитии и выживании — в рамках весьма ограниченного локуса — светской культуры в раме (если хотите, под спудом) наложенной на нее православной социокультурной матрицы.

В данном случае локальная псевдоморфоза оказывается своеобразной — и к тому же опосредованной несколькими слоями религиозной догматики — реакцией на глобализацию, в ней материализуется стремление защитить, сохранить удержать некие прежние (в данном случае, архаические) ценности. Вспоминая знаменитый неологизм Р. Робертсона, мы можем констатировать, что это также своеобразная форма «глобализации», консервации и агрессивного сопротивления локальной, автохтонной культуры. Но проявляется этот тренд в ревитализации архаичной псевдоморфной конструкции. Эта реакция в данном конкретном случае воинствующе *идеологична*, поскольку символы и симптомы новой, глобальной эпохи воспринимаются и интерпретируются в религиозных категориях, как порождение Сатаны. В других ситуациях эта реакция может быть более сбалансированной, более «материалистической», каковой и полагается быть реакции проигрывающих в глобальной конкуренции игроков, превращающихся в экономических аутсайдеров.

В то же время сам тип пространства власти, суперцентрализованного и предельно жестко организованного, воспроизводимого, в частности, в ходе колонизационных процессов, — это также в значительной степени результат псевдоморфозы, властно-технологическая калька империи Чингисидов. Последняя, в свою очередь, также несла на себе отпечаток псевдоморфности, как вследствие форсированного наложения на монгольское общество одной из мировых религий, ислама (процесс, с точки зрения его *механизмов* во многом сходный с христианизацией Руси), так и в силу доминирования в нем китайских практик

управления, заимствованной монголами китайской властной, технологической матрицы.

Все это означает в числе прочего, что российские модернизации носят в основном неорганический характер (если мы используем систему координат «органическая — неорганическая»). Споры модернизации не образуются естественным путем на национальной почве, а привносятся извне.

Равным образом размышления по поводу псевдоморфности российского развития заставляют нас задуматься над тем, не является ли российская колонизация процессом во многом калькированным, зеркальным, представляющим собой *реконкисту* завоеванного монголами гигантского пространства. Конечно, огромные территории, которые стали объектом этой «реконкисты», в домонгольский период никогда не входили в состав русского государства. Но сам механизм процесса: прилив — отлив, движение с востока на запад — движение с запада на восток, покорение аборигенного населения там — и то же самое здесь, наконец, то обстоятельство, что движение осуществляется по одному и тому же «бесконечному» пространству, причем на фоне заимствования основных компонентов монгольской властной, технологической модели, дает основания для этой метафоры.

Наконец, рассмотрение российского развития в терминах псевдоморфности подводит нас к мысли, что глобализация, которая в принципе, по самой своей сути, представляет собой процесс псевдоморфного типа, наложение некоей универсальной, космополитической оболочки на национально-государственные реалии, работает с содержанием, которое было сформировано рядом предшествующих псевдоморфоз. И автохтонность этого содержания, этого материала — условна и конвенциональна. Что, с одной стороны, возможно, в какой-то степени смягчит последствия этого достаточно императивного и жесткого процесса и увеличит возможность адаптации, а с другой — нивелирует гипотетические позитивные последствия процесса, ибо псевдоморфоза побуждает различные социальные субъекты, разного рода человеческие множества не изменяться, а приспособляться.

3. Секуляризация составляющая

Многие исследователи, в частности, упоминавшийся нами в предыдущей нашей публикации

Д. Лернер³⁴, считают секуляризацию необходимым компонентом процесса модернизации. В норме это, очевидно, так. Но в России, где с конца X столетия, с момента «крещения Руси», и до 1917 г. существовали официальная государственная религия и привилегированная церковь, где функционировала сильная централизованная власть при отсутствии сформировавшегося гражданского общества, процесс секуляризации имел свои особенности. Здесь модернизационные импульсы возникали и до известных пор (а именно до начала большевистской эпохи) осуществлялись вне всякой идеологической связи с трендом секуляризации — два тренда развивались во многом независимо друг от друга, параллельно. При этом секуляризационные акции светской власти, несомненно, были направлены на получение дополнительных материальных и фискальных ресурсов, хотя использование этих ресурсов не всегда имело связь с какого-либо рода модернизационными прорывами и тем более колонизационными устремлениями. Более того, петровская модернизация осуществлялась без масштабного изъятия церковных земель и собственности церкви и преследовала прежде всего цель подчинения церкви как института, а конфискационные практики времен Екатерины II не имели видимой связи с какими-либо модернизационными проектами.

(1) Исторический бэкграунд

Секуляризация в самом общем понимании — это процесс снижения роли религии в жизни общества и ограничения влияния церкви³⁵. В пространстве истории *секуляризация* появляется, как утверждают специалисты, не ранее XVII в. как термин, используемый для описания процесса ограничения, сокращения и конфискации церковной собственности, прежде всего, передачи земельных владений из церковного в светское управление. Притом что подобного рода процессы начинаются задолго до появления самого этого понятия. В частности, в эпоху образования национальных государств светская власть посредством

секуляризации освобождалась от опеки церкви, увеличивала материальную, ресурсную базу необходимую для формирования своей социальной опоры и приведения в порядок государственных финансов.

Вероятно, один из первых проектов секуляризации в европейской истории был осуществлен еще первой половине VIII в. в государстве франков, когда Карл Мартелл, победитель при Пуатье и, следовательно, спаситель Европы от арабов, конфисковал церковные земли и раздал их знати. Другими знаковыми актами масштабной секуляризации стали принятые в ходе английской буржуазной революции ордонансы 1646 г. об уничтожении архиепископств и епископств и конфискации их земель с последующей продажей и декрет Великой французской революции от 2 ноября 1789 г. о национализации церковных и монастырских земель.

Однако в той же Англии конфискационным практикам середины XVII в. предшествовали иного рода секуляризационные мероприятия. Здесь после отлучения Папой римским короля Генриха VIII от церкви и последующего разрыва королевской власти с католицизмом в 1534 г. был принят так называемый «Акт о супрематии», по которому король провозглашался главой обновленной англиканской церкви.

Эта последняя модель секуляризации, в сущности, и была использована Петром I, с той только разницей, что русский царь, а затем император не занимался реформативным Русской православной церкви, а лишь подчинил ее себе как институт. «Духовный регламент» 1721 г. как известно, упразднил патриаршество и учредил вместо него Святейший Правительствующий Синод («Духовную коллегия»), подчиненный царю. Этот акт был осуществлен на фоне глобальной петровской модернизации и, несомненно, должен был сконцентрировать на вершине властной вертикали всю политическую волю и все наличные ресурсы. Достаточно очевидно, что петровская секуляризация в России означала не освобождение от религиозных пут и движение к духовной свободе, а прежде всего утверждение господства государства над церковью. Некоторые официальные историки церкви полагают также, что церковная реформа Петра была попыткой преобразования Русской православной церкви в духе европейской реформации. «В итоге противоцерковных реформ Петра в жизни русских людей получилось охлаждение к православной вере и всем внешним формам ее

³⁴ См.: Королев С.А. Фундаментальные исторические процессы в России: ретро- и перспектива. С. 908-909. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.8790.

³⁵ Об истории процесса секуляризации, о теориях секуляризации и о самом этом понятии подробнее см.: Гараджа В.И. Социология религии. М.: ИНФРА-М, 2005; Узланер Д. Становление неоклассической модели секуляризации в западной социологии религии второй половины XX в. // Религиоведение. 2008. № 2.

проявления. Умножились вольнодумцы, осуждавшие, по началам протестантским, православную обрядность. Еще современное Петру русское образованное общество, проникаясь европейскими протестантскими взглядами, начало стыдиться своей прежней детской и простодушной религиозности и старалось скрывать ее, тем более что она открыто с высоты престола и начальственными лицами подвергалась резкому осуждению»³⁶.

Это может быть принято с той оговоркой, что речь может идти о преобразовании церкви, но не о трансформации религии. Напротив, старообрядчество в некоторых своих принципах было гораздо ближе к европейской Реформации, нежели официальная церковь, и при этом жесточайшим образом преследовалось.

Более того, по мнению некоторых православных историков, секуляризация как акт, знаменующий подчинение всех сторон общественной жизни государству, может рассматриваться как один из важнейших симптомов становления *поллицейского государства* в России³⁷.

Несколько более мягкий по стилистике, но более жесткий и последовательный с точки зрения своих последствий вариант секуляризации был проработан в России при императоре Петре III и реализован несколько позже, после воцарения Екатерины II. Речь идет о Манифесте о секуляризации монастырских земель 1764 г., согласно которому земли и крепостные крестьяне изымались из монастырской собственности и передавались в казну. В итоге реформы все церковные вотчины с 911 тыс. крестьянских душ были переданы из духовного ведомства в государственную коллегию экономии, а на содержание монастырей и архиерейских домов назначены штатные оклады по трем классам. При этом средства, ассигнованные на содержание монастырей, были значительно ниже доходов, которые приносили монастырские угодья (включая оброк с крестьян и т. д.). Позднее секуляризация была распространена на Малороссию. А когда была упразднена коллегия экономии, бывшие монастырские вотчины полностью растворились в казенном земельном фонде. Последствием секуляризации стало резкое сокращение числа монастырей и монашествующих: по

данным 1764 г. из 954 великорусских монастырей упразднены 569, за штатом оставлены 161; к 1801 г. во всей Российской империи остались всего 452 монастыря из 1072-х³⁸.

Нетрудно заметить, что эта фаза секуляризации проходит по модели, обозначенной еще Карлом Мартеллом, в весьма полном виде реализованной в ходе английской буржуазной революции середины XVII в. Отметим также сходство структуры процессов, происходивших в Англии и в России: сначала институциональное подчинение — и затем, с существенным временным лагом, — конфискационная фаза.

Реформа Екатерины II стала логическим завершением секуляризационной линии Петра: подчинение церкви государству было дополнено конфискацией церковных земель и имущества. Тем не менее, отметим, что самая мощная секуляризационная волна в дооктябрьской России также проходит вне модернизационных контекстов и независимо от них. Попытки секуляризации были обусловлены совершенно иными причинами, отнюдь не стремлением создать предпосылки для некоего инновационного развития, а скорее борьбой светской власти за преобладание над властью церковной (Алексей Михайлович, Петр I) и, что не менее важно, за собственность церкви. Они реализуются в рамках курса на консолидацию и укрепление власти абсолютного монарха. Секуляризация существенным образом увеличивает мощь самого главного и часто единственного субъекта, являющегося двигателем исторически значимых трансформаций в России, — власти. При этом секуляризационные мероприятия XVIII в., затрагивая могущество церкви и так или иначе сокращая ареал влияния религии, не имели антирелигиозной направленности и не угрожали существованию религии как социального института.

Напротив, сталинская модернизация была процессом, запущенным в атеистическом государстве и происходившим после, а отчасти и параллельно с предельно агрессивной, с невероятной жестокостью проводимой даже не секуляризацией, а насильственным искоренением религии. Надо думать, модернизация в какой-то степени (вероятно, в весьма незначительной) осуществлялась за счет ресурсов, изъятых у православной церкви, однако смысл процесса заключался не в умножении материальных ресурсов ради реализации

³⁶ Соболев С. Секуляризация // <http://www.archipelag.ru/geoculture/religions/religio-sekulario/secularization/>

³⁷ Мельков А.С. Церковная реформа Петра I как опыт государственной секуляризации // <http://www.hist.msu.ru/Science/LMNS2002/04.htm>

³⁸ См.: Мелиоранский Б. Секуляризация в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIX. С. 334.

глобальных проектов социального переустройства, а в подчинении и церкви, и религии тоталитарному государству. При этом, кстати, определенным образом был использован весьма неоднозначный опыт Петра I, хотя большевистская власть и допустила восстановление патриаршества как института в 1917 г.

Равным образом попытки сдвинуть советское общество со сталинских рубежей и дать ему какую-то перспективу, предпринятые при Хрущеве, также происходили на фоне жесткой антирелигиозной риторики и точечных, хотя и несравнимых по своим масштабам со сталинскими, репрессий против священнослужителей и верующих.

Но секуляризация — это не только перераспределение собственности и встраивание церковных институтов в светскую вертикаль власти. Это первую очередь трансформация ценностей. Этот процесс понимается в литературе двояким образом: как вытеснение религиозных ценностей из пространства жизни индивида и общества (в силу прежде всего несовместимости религиозной веры с рациональными и утилитаристскими установками, определяющими поведение людей)³⁹ и/или как религиозная трансформация, сохраняющая за религией важное место в жизни общества, но уже в рамках какой-то иной системы координат, например, за рамками церковно-ориентированной религии. В числе исследователей, стоявших у истоков последней, несомненно, более сложной, многомерной и гибкой позиции, можно назвать Т. Парсонса, П. Бергера, Т. Лукмана и др.⁴⁰

Необходимо подчеркнуть, что и петровская, и сталинская модернизации носили отчетливый псевдоморфный характер и представляли собой наложение некоей заимствованной социальной/социокультурной матрицы на российское общество и его автохтонный культурный слой. Причем петровская псевдоморфоза — это классическая псевдоморфоза, рассмотренная в свое время О. Шпенглером как одна из моделей псевдоморфного процесса.

Что же касается большевистской псевдоморфозы, то она родилась на стыке политических,

социальных и культурных матриц Великой французской революции и некоего весьма абстрактного, не имевшего опоры в реальной действительности утопического доктринерства. Марксов слоган «религия — опиум для народа», используемый как практическое, инструментальное орудие, не был, кажется, свойствен ни одному из секуляризационных процессов, имевших место в предшествующей истории человечества. Большевистская секуляризация была направлена не только против церкви как института и церковной собственности, она была заострена против религии, и не какой-то конкретной конфессии, как было, например, во время гонений против иудаизма в Средние века, а против религии и религиозного сознания как таковых.

Гипертрофированная роль власти, плюс издержки псевдоморфного процесса, который представляет собой искусственное, форсированное, навязанное доминирующим историческими субъектом внедрение определенных норм, принципов и образцов социального взаимодействия, — это и сделало российскую секуляризацию столь жесткой и одиозной.

Что же касается модернизации, провозглашенной в 2008–2009 гг. (символом которой было Сколково), то она оказалась имитацией; даже минимальные, редкие и непоследовательные знаки этого так и не начавшегося процесса были уничтожены буквально через три–четыре года. Тем не менее, нельзя не констатировать, что модернизационные интенции 2008–2011 гг. были явлены на фоне усиливающейся клерикализации российского общества. Символом этого стали процесс Pussy Riot и создание кафедры теологии в МИФИ, знаменитом ядерном университете. Этот тренд усилился еще более с началом третьего президентского срока Путина. Развитие событий в России 2010-х как будто подтверждает, что клерикализация и модернизация — две вещи несовместных. Но не в том смысле, что экспансия церкви в светское пространство и эрозия конституционного принципа отделения церкви от государства делает невозможной модернизацию, хотя бы технологическую (в конце концов, модернизируется даже теократический Иран). Скорее, клерикализация является материальным обнаружением некоей ментальности власти, которая трудносовместима с модернизацией и инновационным развитием. Мы бы сказали, что она, эта ментальность, есть своего рода проявление *деволюционного мышления*.

³⁹ Далеко не новая, но весьма характерная в этом отношении работа: Wilson B. Religion in Sociological Perspective. Oxford, Oxford University Press, 1979.

⁴⁰ См., напр.: Luckman T. The Invisible Religion. N.Y.: Macmillan, 1966; Berger P.L., Berger B., Kellner H. The Homeless Mind; Parsons T. Religions and Economic Symbolism in the Western World // Religion's Change and Continuity. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1979.

(2) Тренд десекуляризации

Следует отметить, что процессы, происходившие в России после антисоветской революции 1991–1993 гг. и особенно в «нулевые»–«десятые», вполне вписываются в общемировой тренд. Характерно, что начиная с 1990-х исследователи все чаще говорят о смене секуляризационного тренда (в любом случае так или иначе связанного с модернизационными процессами) на тренд десекуляризации, о вхождение мира в постсекулярную фазу. «Я считаю, что презумпция, что мы живем секуляризованным мире, является ложной. Мир сегодня, за некоторыми исключениями... так же религиозен, как и прежде, а в некоторых местах более чем когда-либо»⁴¹, — пишет, например, П. Бергер в книге «Десекуляризация мира: возрождающаяся религия и мировая политика». С. Хантингтон, рассматривая прежде всего американский опыт, фиксирует «глобальное возрождение религии» в последней четверти XX в., процесс, который шел по нарастающей в 1980-е и 1990-е и продолжается в начале XXI в. На протяжении почти трех столетий вера в мировой политической системе находилась в положении изгоя, пишет американский социолог. Модернизация, казалось, подрывала основы религии, которая трактовалась как тяжкое наследие невежественного прошлого. Но в последней четверти столетия вектор развития человеческого общества изменил направление, религия восстановила свою значимость как в частной, так и в общественной жизни⁴². Правда, процессы, которые ознаменовали этот поворот, — исламская революция 1979 г. в Иране, формирование движения христианских правых в США, актуализация новых религиозных движений, архаизация современного сознания в целом, которую Л.Г. Ионин назвал повторным «заколдовыванием мира»⁴³, и т.д. — относятся или уходят истоками в основном к предшествующим десятилетиям. Но осмысление изменившихся реалий интенсивно пошло лишь начиная с 90-х — и продолжилось в первое десятилетие XXI века в связи с очевидным ростом влияния на мировое развитие отнюдь не секулярных структур и акторов (знаковой в этом отношении была террористическая атака 11 сентября 2001 г.).

Но десекуляризация — это не только обратное движение, рванш религиозного сознания и церковных институтов. Согласно Юргену Хабермасу, бытие в постсекулярном обществе предполагает переосмысление процесса секуляризации как такового, привнесение в него новых смыслов, рассмотрение его в контексте иного типа коммуникативных стратегий. «Я предложил бы понимать культурную и социальную секуляризацию как двоякий образовательный процесс, заставляющий как просветительские традиции, так и традиции религиозных учений осмыслить пределы каждого из этих воззрений»⁴⁴, — пишет философ.

Этот тренд с предельной полнотой проявляется и в России, в силу, очевидно, того, что здесь секуляризация осуществлялась в наиболее радикальных, агрессивных и насильственных формах, во всяком случае, после 1917 г.

Хотя следует, вероятно, различать понятия *десекуляризации* как восстановления статуса и значения религии и церкви в обществе и *клерикализации*, обозначающей экспансию религии и церкви в чисто светское пространство. В России десекуляризация имеет значительный привкус клерикализации. Хотя при расширительном понимании десекуляризации, например, как возвращения религии в публичное пространство, грань между ней и клерикализацией стирается.

Именно клерикализация, экспансия церкви в светское пространство, происходящая, как это ни парадоксально, при максимальном содействии светской власти этом процессу, стала в России начала XXI в. доминирующим трендом. Поэтому в современной России в порядке вещей освящение ядерных подлодок, вводимых в действие промышленных предприятий и даже школ. Более того, в Сети появлялись фотографии, на которых батюшка окропляет святой водой баллистические ракеты. В этом проявляется не только расширение ареала деятельности РПЦ, но и, как отмечал А.О. Морозов, своеобразная реабилитация *ритуала*, негативное восприятие которого сменяется на отношение более чем позитивное⁴⁵.

Но главное, вероятно, заключается в том, что после 1991 г. и краха советского коммунистического режима происходит своеобразное религиозное

⁴¹ The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Ed. P.L. Berger. Washington, D. C.: Grand Rapids, 1999. P. 2.

⁴² См.: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008. С. 555–556.

⁴³ Ионин Л. Новая магическая эпоха // Логос. 2005. № 2. С. 24.

⁴⁴ Хабермас Ю., Ратцингер Й. Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. С. 43.

⁴⁵ См.: Морозов А. Религия и политическая модернизация России. М.: Издательский дом «Ключ-С», 2004. С. 39.

переформатирование населения России: недавние атеисты массово переходят в ряды верующих. Более того, смещается баланс тех и других в новых, уже постсоветских поколениях: число позиционирующих себя в качестве верующих среди совсем молодых, только вступающих в жизни людей гигантским образом возрастает по сравнению с советским периодом (хотя, надо думать, далеко не достигает тех заоблачных цифр, которые преподносят обществу РПЦ и службы изучения общественного мнения).

Но если модернизация в норме связана с наличием секуляризационного тренда, то колонизация Руси/России, напротив, процесс, предполагающий христианизацию и, таким образом, усиление гомогенности пространства власти. Колонизационная стратификация территории — это не только строительство острогов, возникавших всюду, где прошли государевы люди или посланные магнатами-заводчиками землепроходцы, но и церкви, которые появляются внутри этих острогов, и монастыри, возникающие в непосредственной близости от военно-стратегических опорных пунктов, и села *новокрещенов*, и, с известного момента, анклавы старообрядцев.

Вместе с тем приверженность христианскому, православному вероучению — основополагающий фактор сохранения национальной идентичности на периферии государства. Значительно более важный, чем все прочие культурные константы, включая язык. Так, в ряде казачьих регионов в силу ряда исторических обстоятельств, говорить о которых здесь нет возможности, довольно долго существовало русско-татарское двуязычие⁴⁶. Но в религиозном отношении эти регионы всегда были гомогенными, моноконфессиональными.

Перспективы десекуляризации — вопрос дискуссионный, его решение зависит от интерпретации глобальных исторических реалий. Является ли десекуляризация следствием движения исторического маятника? И следует ли ожидать, что этот маятник рано и поздно двинется в обратную

сторону? Или она является некоей закономерной фазой мирового развития, сменившей и навсегда перечеркнувшей секуляризацию, подобно тому, как в марксистской теории сменяли друг друга исторические формации? Есть веские аргументы пользу и той и другой позиции. Так, А. Кырлежев не без оснований полагает, что «с исторической точки зрения, секуляризация — это лишь эпизод, или этап социокультурной эволюции. Это процесс, начало и конец которого обозначают некую эпоху. Это исторический отрезок, имеющий не только начало, но и конец. Кроме того, это процесс, который имеет и “пространственные” границы. Необходимо напомнить, что говорить о секуляризации можно лишь применительно к “христианскому миру” и, соответственно, к отраженным процессам в “зонах вестернизации” в других культурно-религиозных мирах. Секуляризация есть событие, происходящее внутри христианского в религиозном отношении пространства»⁴⁷.

Нам представляется, что ни та, ни другая точка зрения не являются абсолютными, и мир скорее обречен на существование в рамках некоего симбиотического, многовекторного процесса, который можно было бы назвать секуляризация/десекуляризация, подобно тому, как мы когда-то определили иной фундаментальный исторический процесс как модернизацию/демодернизацию. И эта двусмысленность развития религиозного сознания и института церкви на рубеже XX–XXI вв., присущая этому развитию многовекторность и противоречивость, очевидное «зонирование» мира на сегменты преимущественно секуляризации и десекуляризации, проявляющейся в самых различных формах, вплоть до разрастания и экспансии религиозного фундаментализма, являются помимо всего прочего индикатором весьма ограниченных — во всяком случае, в определенных сегментах общественного бытия — возможностей нынешней глобализации. Которая, в определенных смыслах и определенных социальных пространствах оказывается далеко не столь универсальным и не столь фатально и необратимо глобализирующим процессом.

* * *

Нетрудно заметить, что значительная часть позиций, обозначенных выше, особенно в первой части статьи, — это некая антитеза данным С. Хантингтоном характеристикам процесса мо-

⁴⁶ «Азовские казаки в течение трех веков постоянно сталкивались с татарами, раньше входили в состав Золотой Орды и служили ханам, невольно заимствовали от татар нравы и обычаи, отчасти и язык. Татарские черты характера отразились и на последующем казачестве. В XVII и XVIII вв. донские казаки и их жены часто носили татарскую одежду и в домашнем быту нередко говорили на татарском языке. Это отметил в своих записках и инженер-гидротехник де-Романо в 1802 г., говоря о казаках г. Черкаска» (Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2004. С. 178).

⁴⁷ Кырлежев А. Постсекулярная эпоха // Континент. 2004. № 120.

дернизации. Действительно, мы далеки от исторического оптимизма американского ученого и вынуждены констатировать, что история содержит значительно больше парадоксов и двусмысленностей, чем это представляется сторонникам оптимистического эволюционизма⁴⁸.

Россия не движется неуклонно и неумолимо по пути прогресса, а скорее развивается по синусоиде, которая иногда сворачивается в некое подобие спирали.

Вопрос о специфике России и, в частности, о мере специфичности фундаментальных исторических процессов, происходящих в российском пространстве власти, может быть поставлен различным образом.

Можно предположить, что специфика — это то, что отклоняется от нормы. При этом в качестве нормы может рассматриваться некий прецедентный процесс, хронологически первый в каком-то классе или виде процессов и потому ставший если не образцом, то объектом для сравнения и сопоставления. Назовем это *нормой исторической*.

Мы можем также апеллировать к *норме логической*: модернизация должна заканчиваться достижением каких-то ориентиров, лежащих в плоскости будущего, а не архаизацией. И в этом смысле нормой является «правильный», успешно завершённый процесс.

Наконец, можно говорить о *норме аналитической*, экспертной, о некой сумме представлений о реальности, признанных нормой тем или иным сообществом на основе более или менее устоявше-

го консенсуса. Такого рода норма в значительной степени конвенциональна.

Россия отклоняется от нормы во всех трех обозначенных измерениях: она отклоняется от нормативности, которая проступает из кумулятивного, обобщенного облика/образа аналогичных процессов в других странах и иных пространствах власти; она ломает аналитическую нормативность, которая появилась как квинтэссенция опыта иных стран и регионов (вспомним в очередной раз признаки модернизации, сформулированные Хантингтоном); наконец, опыт России весьма двусмыслен, если говорить о фундаментальных трансформациях как о гипотетически логичных процессах, содержащих в себе некие элементы целеполагания.

Тем не менее, в российской истории есть своеобразная логика, пусть это и логика инверсии, логика двусмысленности. В России сформировались некие матрицы развития, которые являются прецедентными для России и могут быть, с неким насилием над смыслом понятия, названы российской нормой (ибо что такое специфика, как не норма, лишенная универсальности?). И у нас есть возможность анализировать эти специфические процессы и фиксировать, в рамках некоего научного консенсуса или вне его, повторяющиеся явления, укладывающиеся в то, что раньше называли историческими закономерностями, а теперь именуют глобальными историческими трендами, пытаться понять их причины, следствия и отчасти даже перспективы.

Список литературы:

1. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь мир, 1986.
3. Бессознательное власти. Беседа с В.А. Подорогой // Бюрократия и общество / отв. ред. С.А. Королев. М.: Философское общество СССР, 1991.
4. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.
5. Гараджа В.И. Социология религии. М.: ИНФРА-М, 2005.
6. Гончаров, Иоанн, протоиерей. Почему мы отстаем от «прогресса»? // <http://pravpiter.ru/pspb/n137/tao16.htm>
7. Ионин Л. Новая магическая эпоха // Логос. 2005. № 2.
8. Королев С.А. Бесконечное пространство. Гео-и социографические образы власти в России. М.: ИФ РАН, 1997.

⁴⁸ Впрочем, с тех пор, как Хантингтон выступал как один из наиболее последовательных адептов теории модернизации, взгляды его претерпели существенную коррекцию; отчасти это нашло отражение в данной статье (см. раздел о социокультурной составляющей фундаментальных исторических процессов).

9. Королев С.А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Часть I // Философия и культура. 2009. № 1.
10. Королев С.А. От «Апостола» до «Архипелага»: социокультурные трансформации в России // Философия и культура. 2010. № 1.
11. Королев С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6.
12. Королев С.А. Сопас как феномен власти // Человек между Царством и Империей. Сборник материалов международной конференции. М., 2003.
13. Кырлежев А. Постсекулярная эпоха // Континент. 2004. № 120.
14. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
15. Мельков А.С. Церковная реформа Петра I как опыт государственной секуляризации // <http://www.hist.msu.ru/Science/LMNS2002/04.htm>
16. Междувластие. Зигмунт Бауман беседует с Винченцо делла Сала // Россия в глобальной политике. 2012. № 6.
17. Мелиоранский Б. Секуляризация в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIX.
18. Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса / отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2010.
19. Милов Л.В. Особенности исторического процесса в России // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 9.
20. Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004.
21. Морозов А. Религия и политическая модернизация России. М.: Издательский дом «Ключ-С», 2004.
22. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2004
23. Соболев С. Секуляризация // <http://www.archipelag.ru/geoculture/religions/religio-sekulario/secularization/>
24. Узланер Д. Становление неоклассической модели секуляризации в западной социологии религии второй половины XX в. // Религиоведение. 2008. № 2.
25. Хабермас Ю. Вера и знание // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002.
26. Хабермас Ю., Ратцингер Й. Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006.
27. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008.
28. Человек в экономике и других социальных средах / отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2008.
29. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y.: Basic Books, 1976.
30. Berger P.L., Berger B., Kellner H. The Homeless Mind. Harmondsworth: Penguin Books, 1974.
31. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics (ed. P.L. Berger). Washington, D. C.: Grand Rapids, 1999.
32. Huntington S. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Politics. Vol. 3. Issue 3 (Apr., 1971).
33. Luckman T. The Invisible Religion. N.Y.: Macmillan, 1966.
34. Parsons T. Religions and Economic Symbolism in the Western World // Religion's Change and Continuity. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1979.
35. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992.
36. Wilson B. Religion in Sociological Perspective. Oxford, Oxford University Press, 1979.

References (transliteration):

1. Ageev A.D. Sibir' i amerikanskiy Zapad: dvizhenie frontirov. M.: Aspekt-Press, 2005.
2. Brodel' F. Material'naya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. M.: Ves' mir, 1986.
3. Bessoznatel'noe vlasti. Beseda s V.A. Podorogoy // Byurokratiya i obschestvo / отв. ред. S.A. Korolev. M.: Filosofskoe obschestvo SSSR, 1991.
4. Gaydar E.T. Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoy Rossii. M.: ROSSPEN, 2006.

5. Garadzha V.I. Sociologiya religii. M.: INFRA-M, 2005.
6. Goncharov, Ioann, protoierey. Pochemu my otstaem ot «progressa»? // <http://pravpiter.ru/pspb/n137/tao16.htm>
7. Ionin L. Novaya magicheskaya epoha // Logos. 2005. № 2.
8. Korolev S.A. Beskonechnoe prostranstvo. Geo-i sociograficheskie obrazy vlasti v Rossii. M.: IF RAN, 1997.
9. Korolev S.A. Modernizaciya i demodernizaciya v rossiyskoy istorii. Chast' I // Filosofiya i kul'tura. 2009. № 1.
10. Korolev S.A. Ot «Apostola» do «Arhipelaga»: sociokul'turnye transformacii v Rossii // Filosofiya i kul'tura. 2010. № 1.
11. Korolev S.A. Pseudomorfoza kak tip razvitiya: sluchay Rossii // Filosofiya i kul'tura. 2009. № 6.
12. Korolev S.A. Sopas kak fenomen vlasti // Chelovek mezhdru Carstvom i Imperiey. Sbornik materialov mezhdunarodnoy konferencii. M., 2003.
13. Kyrlezhev A. Postsekulyarnaya epoha // Kontinent. 2004. № 120.
14. Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom cennosti sposobstvuyut obschestvennomu progressu / Pod red. L. Harrisona i S. Hantingtona. M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2002.
15. Mel'kov A.S. Cerkovnaya reforma Petra I kak opyt gosudarstvennoy sekulyarizacii // <http://www.hist.msu.ru/Science/LMNS2002/04.htm>
16. Mezhduvlastie. Zigmunt Bauman beseduet s Vinchenco della Sala // Rossiya v global'noy politike. 2012. № 6.
17. Melioranskiy B. Sekulyarizaciya v Rossii // Enciklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. T. XXIX.
18. Menyayuschayasya social'nost': novye formy modernizacii i progressa / otv. red. V.G. Fedotova. M.: IF RAN, 2010.
19. Milov L.V. Osobennosti istoricheskogo processa v Rossii // Vestnik Rossiyskoy akademii nauk. 2003. T. 73. № 9.
20. Mnogolikaya globalizaciya / Pod red. P. Bergera i S. Hantingtona. M.: Aspekt Press, 2004.
21. Morozov A. Religiya i politicheskaya modernizaciya Rossii. M.: Izdatel'skiy dom «Klyuch-S», 2004.
22. Savel'ev E.P. Drevnyaya istoriya kazachestva. M.: Veche, 2004
23. Sobolev S. Sekulyarizaciya // <http://www.archipelag.ru/geoculture/religions/religio-sekulario/secularization/>
24. Uzlaner D. Stanovlenie neoklassicheskoy modeli sekulyarizacii v zapadnoy sociologii religii vtoroy poloviny XX v. // Religiovedenie. 2008. № 2.
25. Habermas Yu. Vera i znanie // Habermas Yu. Buduschee chelovecheskoy prirody. M.: Ves' mir, 2002.
26. Habermas Yu., Ratzinger Y. Dialektika sekulyarizacii. O razume i religii. M.: Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andrey, 2006.
27. Hantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoy nacional'noy identichnosti. M.: AST, 2008.
28. Chelovek v ekonomike i drugih social'nyh sredah / Otv. red. V.G. Fedotova. M.: IF RAN, 2008.
29. Bell D. The Sultural Sontradictions of Sapitalism. N.Y.: Basic Books, 1976.
30. Berger P.L., Berger B., Kellner H. The Homeless Mind. Harmondsworth: Penguin Books, 1974.
31. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics (ed. P.L. Berger). Washington, D. C.: Grand Rapids, 1999.
32. Huntington S. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Politics. Vol. 3. Issue 3 (Apr., 1971).
33. Luckman T. The Invisible Religion. N.Y.: Macmillan, 1966.
34. Parsons T. Religions and Economic Symbolism in the Western World // Religion's Change and Continuity. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1979.
35. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992.
36. Wilson B. Religion in Sociological Perspective. Oxford, Oxford University Press, 1979.